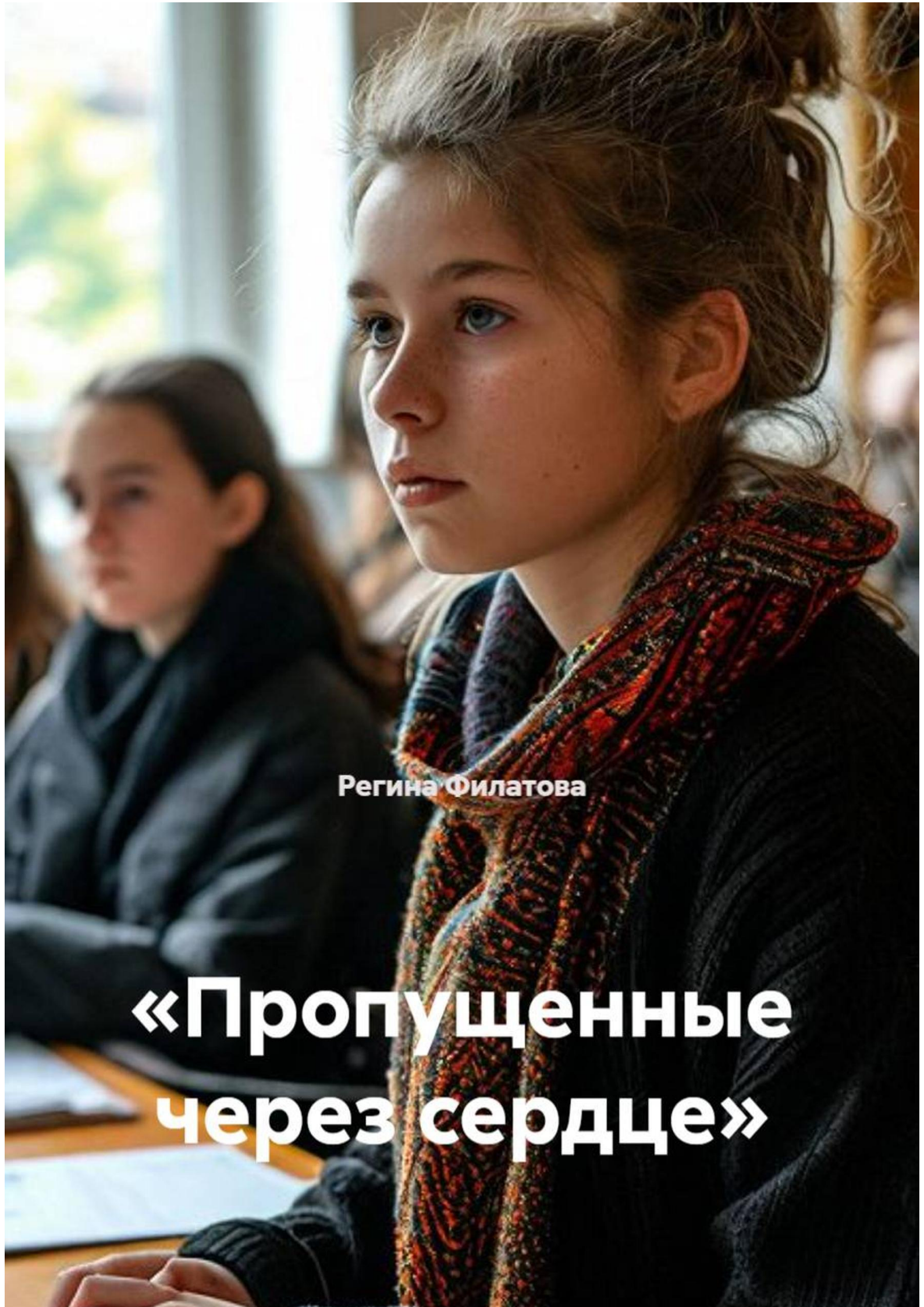

Регина Филатова

«Пропущенные через сердце»

Регина Филатова

«Пропущенные через сердце»

«Автор»

2026

Филатова Р.

«Пропущенные через сердце» / Р. Филатова — «Автор», 2026

Быть куратором в колледже и отвечать за детей-сирот — это не просто перебирать бумажные отчеты в тихом кабинете. Это значит каждый день пропускать через себя чужие судьбы, сталкиваться с равнодушием системы и принимать решения, от которых зависит будущее маленьких людей. В этом сборнике Регина Викторовна впервые открывает изнанку своей прошлой работы. Здесь собраны реальные, пронзительные, а порой шокирующие истории о человеческой стойкости, слепой преданности, предательстве и настоящем выборе. Первая история — «Зимнее разочарование» — доступна для бесплатного чтения. Вы узнаете, как молодой куратор в свой первый рабочий год столкнулась с ночной пропажей двух воспитанниц в курортном городе. А затем познакомитесь с другими судьбами. Книга публикуется в процессе написания. Новая реальная история из жизни — каждую неделю. Оформите подписку, чтобы пройти этот путь вместе с автором!

© Филатова Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Регина Филатова

«Пропущенные через сердце»

Глава 1

Зимнее разочарование

Дисклеймер: Все истории в данном сборнике вдохновлены реальными событиями и судьбами людей, с которыми автора сводила жизнь. Однако в целях защиты конфиденциальности все имена, фамилии, даты, возраста, семейные детали и места действия были изменены. Любые совпадения с реальными людьми являются абсолютно случайными.

Здравствуйте. Меня зовут Регина Викторовна, и я хотела бы поделиться своим пятилетним опытом работы с детьми — детьми-сиротами, которые по воле судьбы остались без попечения родителей.

За эти годы через мое сердце прошли десятки казенных судеб. Было всё: и тихие трагедии, и моменты абсолютного счастья, и жестокие уроки человеческой неблагодарности. Но первую историю, которой я хочу открыть этот сборник, я посвящаю случаю, который произошел в самом начале моего пути.

Я только-только пришла работать в колледж после института — совсем молоденькая, неопытная девчонка. Поначалу подопечных у меня было немного, поскольку наше учебное заведение принимало ребят уже взрослых, после одиннадцатого класса или после ПТУ. Да и само направление колледжа было сугубо мужским, поэтому учились у нас в основном мальчишки. Девочек в моей группе было, конечно, намного меньше, чем парней. Но я помню всех. И если уж говорить по душам, то рассказать я хотела бы именно о Лилии Воробьевой. Потому что с ней у меня сложилась особенная, почти сестринская связь.

В силу своего возраста я не могла смотреть на неё как мать. Я видела в ней младшую сестру. Оставшиеся без родительского тепла, она быстро разглядела во мне близкого человека. Лилия часто приходила ко мне в кабинет, просто сидела рядом, делилась какими-то девичьими мыслями. Скажу честно: я в ней души не чаяла. Каждый день, без исключений, я бегала проводить своих подопечных и особенно её. Следила, чтобы они были сыты, тепло одеты и ни в чем не нуждались. Всё шло просто замечательно.

Но наступил декабрь. Руководство выделило для всех наших студентов-сирот путевки, и нас большой группой отправили на море — отдохнуть и подышать южным воздухом в течение десяти дней. Я поехала вместе с ними как сопровождающая и ответственное лицо.

Уже в самый последний день поездки я бегала по этажам санатория, проверяя, все ли ребята на месте перед завтрашним отъездом. Студенты некоторые, к сожалению, в ту ночь выпивали, но хотя бы тихо, у себя в номерах — и я физически ничего не могла с этим сделать, лишь бы были в безопасности. Зайдя в комнату к девочкам, я обнаружила, что Лилии и её соседки Маши в номере нет. На кровати сидела только третья девочка, Юля — они жили троим.

— Юля, а где Лилия и Маша? — встревоженно спросила я. — А они куда-то ушли, — буркнула та в ответ. — Куда ушли?! Время — ночь, завтра мы уезжаем, куда они подевались в чужом городе? — Не знаю, я им не мать, передо мной они не отчитываются, — отрезала Юля.

Я вышла в коридор, судорожно набирая номера девочек на мобильном. У обеих «Абонент временно недоступен», — бездушный механический голос в трубке только подлил масла в огонь. Это было ужасно. Я просто не знала, что делать. Паника за двоих моих девчонок полностью накрыла меня. В полном отчаянии я спустилась на ресепшен санатория. Администра-

тор лишь равнодушно пожала плечами: «Мы, конечно, можем вызвать полицию, но поиски начнут только спустя сутки. Ждите».

Время тянулось невыносимо медленно. В голову лезли самые страшные мысли сразу обо всех возможных опасностях для двух девочек в курортном городе. Полночь — их нет. Час ночи, два, три... Несколько старших ребят-студентов не легли спать, видя моё состояние. Они сидели со мной в вестибюле, пытались как-то успокоить, кто-то даже принес валерьянку. И вдруг эту изматывающую тишину разорвал громкий, беззаботный женский хохот прямо за окнами. По интонации я мгновенно узнала голоса Лили и Маши.

Мы всей толпой выскочили к дверям вестибюля. Охранник сначала заартачился, не желая открывать запертые на ночь двери, но, увидев мое безумное лицо и решительно настроенных рослых парней у меня за спиной, торопливо повернул ключ в замке.

Наши мальчишки сразу набросились на пришедших. Оказывается, Лилия и Маша шли в компании двух местных парней. Мои студенты, даже не разобравшись, в чем дело, из защитного порыва мгновенно сцеплялись в живой клубок, началась яростная драка и потасовка. Перекрикивая шум, я кое-как перехватила девочек, затолкнула их в холл гостиницы, а сама на одном дыхании бросилась обратно на улицу — разнимать дерущихся мальчишек. Кое-как нам удалось растащить их друг от друга.

За Машу я, конечно, тоже безумно испугалась, но от нее такого поведения подсознательно ожидала — в колледже все знали, что Маша любит погулять с мальчишками. Но от Лили... От моей тихой Лили я этого не ожидала совершенно.

Уже потом, после возвращения, ребята из группы открыли мне глаза, рассказав, что у Лили на самом деле тоже всегда было очень много парней. Сначала во мне вскипела обида за свой напрасный страх и валерьянку в вестибюле. Но потом пришло горькое понимание. Девочки из детских домов часто слишком рано вступают в близкие отношения с мужчинами. И делают они это вовсе не потому, что легкодоступны или испорчены. Просто они всю жизнь лишены родительского тепла и подсознательно ищут защиту, поддержку и хоть какую-то иллюзию любви. И Маша, и Лилия оказались из числа таких недолюбленных, отчаянно ищущих тепла девочек.

Отношение к Лиле у меня изменилось. Прежнего слепого обожания и теплых, доверительных отношений больше не было. Наш девичий мир треснул. Вскоре наступили новогодние праздники, и Лилия уехала на каникулы к своей тетке в село.

Но на этом история не закончилась. Вернувшись с праздников, Лилия внезапно заявила, что хочет перевестись в местный сельский колледж — у них там как раз было нужное отделение. Я лично пообщалась с ее тетей, пытаюсь отговорить их и понимая, что там она забросит учебу. Тетя оказалась совсем молоденькой девушкой. Я со скрипом в сердце понимала, что в этой глуши Лилия просто пропадет. Но девочке на тот момент уже исполнилось восемнадцать лет. Законных оснований препятствовать ее переводу у меня не было, и я была вынуждена согласиться и подписать документы. Наша связь оборвалась.

Прошел ровно год. Дверь моего кабинета открылась, и на пороге снова появились Лилия и её молодая тётя. Но на руках Лили держала крошечного ребенка.

Оказалось, в те самые прошлые новогодние праздники в селе она познакомилась с молодым человеком. У них быстро завязалась близость, за которой последовала ранняя беременность и поспешная свадьба — именно ради этого парня она тогда так отчаянно рвалась перевестись. Но судьба оказалась жестока: их новорожденный ребенок скончался. Вскоре после этой трагедии брак распался, и муж ушел.

Однако Лилию это не остановило. Не знаю, как ей одобрили органы опеки, кто там подсуетился и какие документы они собрали, но Лилия пошла в детский дом и взяла оттуда приемного ребенка — взамен того малыша, которого она потеряла.

Ко мне в колледж они с тетей приехали лишь потому, что Лиле потребовались некоторые архивные справки для оформления социальных выплат и субсидий. Я смотрела на нее и не узнавала. Передо мной сидела уже не та милая юная девушка. Это была измученная, уставшая женщина с младенцем на руках, у которой за плечами была огромная трагедия, а впереди — полная жизненная неизвестность.

Мы оформили все документы, они тихо попрощались и уехали обратно в свое село. Больше мы никогда не общались, и связь с ней оборвалась навсегда. Но этот урок я запомнила на всю жизнь: порой за маской легкомыслия скрывается такая отчаянная, изламывающая человека жажда быть кому-то нужным, ради которой люди готовы сжигать свое будущее дотла.

Глава 2

НО Я ЕЕ СЕМЬЯ

Дисклеймер: Все истории в данном сборнике вдохновлены реальными событиями и судьбами людей, с которыми автора сводила жизнь. Однако в целях защиты конфиденциальности все имена, фамилии, даты, возраста, семейные детали и места действия были изменены. Любые совпадения с реальными людьми являются абсолютно случайными.

Лето. Выпускники уже защитились и получили дипломы, первый курс ещё только готовился к поступлению, а старшекурсники разъехались кто куда — к родственникам или на подработки. В коридорах учебного заведения стояла непривычная, почти звенящая тишина.

Я сидела в своём кабинете, блаженно перебирала бумажные отчёты и никуда не торопилась. Для человека, который отвечает за казённых детей-сирот, такие спокойные минуты без форс-мажоров — настоящая роскошь. Помню, за окном шумела листва, и я просто наслаждалась моментом.

Вдруг дверь кабинета приоткрылась. На пороге появилась Кристина — моя выпускница. Хорошая, добрая девочка, с которой у нас всегда были отличные отношения. Я улыбнулась, готовая поздравить её с началом взрослой жизни, но по её лицу сразу поняла: что-то идёт не так. Она едва сдерживала слезы.

Я отложила бумаги в сторону:

— Привет! Проходи. Садись, рассказывай, что случилось?

Кристина прошла к стулу, присела. Было видно, как сильно она волнуется. Ломая пальцы, она тихо произнесла:

— Регина Викторовна, тут такое дело... Вы не могли бы доехать со мной?

Я удивлённо посмотрела на неё:

— Куда? Что случилось?

И она рассказала. Историю Кристины я знала хорошо. Её мать давно лишили родительских прав. У Кристины оставалась младшая сестрёнка, и Кристина твердо планировала после выпуска забрать её к себе. Сестра как раз поступала в колледж — правда, не в наш, а в другой. У Кристины был молодой человек, который благородно согласился и не возражал, чтобы девочка на время учёбы жила вместе с ними.

С матерью они, естественно, не общались. Но буквально пару часов назад Кристине позвонили из органов опеки. Оказалось, горе-мать снова родила ребёнка. И снова написала отказную прямо в роддоме. По закону младенца в первую очередь обязаны предложить забрать близким родственникам. Младшая сестра ещё несовершеннолетняя, а Кристине уже исполнилось 22 года. Ответственность легла на неё. Опека требовала ответа прямо сейчас: забирает она новорожденного себе или пишет официальный отказ?

И Кристина умоляла меня поехать с ней.

Мы быстро нашли выход. Позвонили нашему же студенту Олегу, который был неподалёку на машине. Он без лишних вопросов согласился довезти нас до места.

Всю дорогу в машине стояла звенящая тишина. Каждый думал о своём. Честно говоря, со мной такое случилось впервые за всю практику. Я просто не знала, как правильно реагировать и что ей говорить. Девчонке всего 22 года. Своего угла нет — она стоит в очереди на жильё для сирот, но квартиру пока не дали. Прямо сейчас они с парнем живут на съёмной. На руках скоро будет сестра-студентка, а теперь ещё и младенец... Но, глядя на Кристину, я видела: несмотря на подступающие слёзы, она была абсолютно тверда в своём решении забрать ребёнка.

Мы доехали быстро. Машина остановилась, и мы зашли внутрь здания. На стенах в холле висели стенды с фотографиями детей: большими и маленькими. В основном с карточек смот-

рели подростки и ребята постарше. Опыт подсказывал, что детей в таком возрасте усыновляют неохотно и достаточно редко.

Мы прошли дальше по коридору. Нас встретила пожилая сотрудница — женщина с суровым, уставшим лицом, явно не расположенная к сантиментам.

— Я по поводу ребёнка, — тихо, но уверенно произнесла Кристина.

Женщина окинула её тяжелым взглядом:

— А, Кравцова? Проходи, садись. Вон образец на столе — пиши отказ.

Кристина опешила, в глазах мелькнуло непонимание:

— Какой отказной? Я хочу забрать сестрёнку с собой.

Сотрудница опеки даже бровью не повела, её голос стал ещё жестче:

— В смысле забрать? Пиши, что я тебе сказала.

Тут женщина наконец заметила меня, стоявшую чуть позади. На её лице отразилось явное недовольство:

— А вы кто ещё такая?

— Я её представитель, — спокойно, но твердо ответила я.

— И что с того? — буркнула она.

Ситуация накалялась, Кристина едва сдерживала эмоции. Нужно было срочно перехватывать инициативу.

— Давайте мы с вами отойдём и поговорим отдельно, — предложила я сотруднице, стараясь говорить максимально конструктивно.

Мы отошли в сторону от Кристины.

— А что говорить? — пожала плечами женщина. — Обычно у таких родителей и дети такие же. Чего тут ждать?

— Ну, вы зря так, — мягко, но уверенно возразила я, вспоминая, какой хорошей девочкой росла Кристина. — Скажите лучше, почему вы так настаиваете именно на отказе? Должна же быть какая-то веская причина?

Мой спокойный тон подействовал. Суровость сотрудницы опеки немного померкла. Она вздохнула и заговорила уже совершенно другим — более ровным, человеческим и уставшим тоном:

— Да, причина действительно есть. Эту малышку хотят удочерить. Опекуны на неё уже нашлись, понимаете? Очень хорошая, обеспеченная семья. Они долго этого ждали. У девочки там будет прекрасное будущее, отличный старт в жизни. Но есть ещё одна причина... Её мать была алкоголиком. В результате девочка родилась с множественными патологиями.

В коридоре как будто стало ещё тише. Эти слова прозвучали как приговор. В один миг всё встало на свои места. Одно дело — забрать здоровую сестрёнку и растить её на съёмной квартире. И совсем другое — взять на себя ребёнка со сложными, тяжелыми диагнозами, требующими бесконечного лечения, реабилитаций и огромных денег.

— Очень серьёзные патологии? — тихо переспросила я.

— Да, очень серьёзные, — кивнула сотрудница опеки. — Девочка сама не справится, поверьте моему опыту. Там нужны огромные деньги, чтобы ребенку постоянно оказывали дорогостоящее лечение. Кристина просто сломает себе жизнь, и младенцу не поможет.

Я поняла, что Кристина настроена решительно. Мягкие доводы на неё не действовали, и мне пришлось наступить на горло собственной жалости. Я вернулась к ней, села рядом.

— Ну хорошо, давай я попробую поговорить с ней, — сказала я сотруднице.

Я начала издалека:

— Кристин, ты же знаешь, как тяжело ухаживать за ребёнком, особенно за таким маленьким? А ты ведь как раз сама собиралась учиться дальше. Плюс у тебя есть работа. Как ты будешь всё это совмещать? Ты уже берёшь к себе младшую сестру. Это огромная ответственность и нагрузка для твоего молодого человека. Ты с ним до конца посоветовалась?

Кристина молчала. Она опустила голову, её плечи дрожали.

— Но, Регина Викторовна... — наконец тихо выдохнула она. — Но это же сестрёнка... родная...

«Надо говорить правду», — подумала я и решилась:

— Кристина, послушай меня. Её уже хотят удочерить. Пока ребёнок находится в таком крошечном возрасте, у него есть огромный шанс попасть в хорошую семью. И вот у твоей сестры этот шанс прямо сейчас появился. Опекуны уже нашлись, понимаешь? Там обеспеченные люди, они смогут дать ей всё.

Кристина резко подняла на меня полные слёз и упрямства глаза:

— Но я — её семья!

— Понимаю, Кристин... Но малышка больна.

— Чем... чем больна? — взгляд стал испуганным.

— У неё очень серьёзные, множественные патологии. Чтобы её выходить, нужны очень хорошие деньги, хорошие специалисты, постоянные реабилитации. Кристин, я всем сердцем понимаю, что ты очень хочешь забрать ребёнка. Но давай сейчас снимем эгоизм и подумаем, что будет лучше для неё самой?

Я замолчала, давая ей время. Кристина долго сидела неподвижно, сглатывая подступающие слёзы. Наконец она подняла голову и тихо, с трудом выговаривая слова, спросила:

— Хорошо... Я напишу отказную. Но... можно мне хотя бы изредка навещать её и узнавать у опекунов, как у неё дела?

Суровая женщина, лицо которой теперь стало намного мягче, грустно посмотрела на неё и покачала головой:

— Извини, девочка, но нет. Это закрытое усыновление. По закону мы не имеем права разглашать, кто опекуны. Это тайна. Поэтому у тебя не будет возможности ни увидеть её, ни узнать, где она и с кем.

Эти слова прозвучали как окончательный приговор. Кристина снова заколебалась, глядя на чистый лист бумаги.

— Кристин, — мягко сказала я, положив руку ей на плечо. — Нужно принять правильное решение для её же блага. Ты делаешь это ради неё. Чтобы у неё был шанс вылечиться и жить.

Она на секунду замерла, а затем решительно смахнула слёзы и начала писать. Строчка за строчкой. На удивление, написала она всё достаточно быстро — будто боялась, что если остановится хоть на мгновение, то передумает. Понимая, что моя профессиональная выдержка вот-вот треснет, я тихо поднялась и вышла в коридор, не в силах больше сдерживать собственные эмоции.

Через несколько минут Кристина вышла ко мне. Бледная, опустошённая, но собранная. Мы молча спустились к машине, где нас ждал Олег. И всю обратную дорогу в салоне снова стояла звенящая, тяжелая тишина.

На тот момент Кристина уже выпустилась, и конкретно после этого случая мы больше никогда с ней не виделись и не общались. Наверное, и ей, и мне было слишком тяжело вспоминать то, что произошло тогда в кабинете опеки.

Однако она до сих пор есть у меня в друзьях в социальных сетях. Изредка я заглядываю на её страницу и тихо радуюсь. Жизнь у неё сложилась хорошо. Тот самый молодой человек стал её мужем, они вместе прошли через все трудности, и сейчас у них растут двое прекрасных детей.

Глядя на её счастливые семейные фотографии, я каждый раз вспоминаю тот жаркий летний день, суровую женщину из опеки и звенящую тишину в машине. И я верю, что где-то там, в другой семье, растёт её сестрёнка, которой Кристина когда-то подарила шанс на жизнь.

Если эта история вас зацепила, следующая глава — «Розовые щёчки» — уже ждёт вас. Это одна из самых тёплых и самых грустных историй в этом сборнике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.